
М. В. ПАНОВ

ТРУДЫ
ПО ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ТОМ 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2007

ББК 81.031
П 16

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16133

Панов М. В.

П 16 Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 848 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-9551-0190-X

В двухтомнике М. В. Панова «Труды по общему языкознанию и русскому языку» собраны работы, отражающие многогранность научной деятельности ученого. Это статьи, а также отрывки из коллективных монографий, руководителем и вдохновителем которых был Михаил Викторович. Многие из публикуемого давно стало библиографической редкостью, например, содержащий глубокие новаторские идеи теоретический проспект монографии «Русский язык и советское общество», опубликованный в 1962 г. в Алма-Ате тиражом 550 экземпляров.

Название разделов в двухтомнике отражает сферу научных интересов М. В. Панова, однако распределение его работ по предлагаемым разделам носит по необходимости условный характер. Так, статья «О частях речи в русском языке» помещена в раздел «Общие вопросы теории» (1-й том), а «О членимости слов на морфемы» — в раздел «Морфология и словообразование» (2-й том), хотя обе эти статьи разрабатывают теорию грамматики. Мысль М. В. Панова не укладывается в жесткие рамки любой рубрикации. У него нет чисто описательных работ. Все его работы носят теоретический характер.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0190-X

© Е. А. Земская, С. М. Кузьмина, редакция, 2007
© Языки славянской культуры, 2007

Оглавление

Личность	9
----------------	---

IV. Вопросы теории

Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка	17
О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в.	23
О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы)	43
Из наблюдений над стилем современной периодики	63
Из Проспекта коллективной монографии «Русский язык и советское общество»	85
Словообразование	85
Словоизменение	122
Синтаксис	144
Фонетика	158
Письмо (графика и орфография)	171
Стилистика	176

V. Морфология и словообразование

Фрагменты из монографии «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка»	197
Аббревиация	197
Степени членимости слова на морфемы	203
О членимости слов на морфемы	207
О степенях членимости слов	218
О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л. Керролла	223
О наложении морфем	233
Предсказуемость алломорфа	242
О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии	250

О «скрытых» грамматических значениях	260
О значении вида у глагола	265
Об изучении русского словообразования	269
Отношение частей речи к слову	282
К проблемам грамматики современного русского литературного языка.....	286

VI. Преподавание русского языка

Лингвистика и методика преподавания русского языка	305
Усложнить, чтобы упростить	322
Два анализа? Об изучении состава слова в школе	329
О способе определения однокоренных слов.....	337
Об изучении русских падежей в национальной школе	342
Числительное в новом учебнике	359
Типология лексических ошибок, вызванных взаимодействием языковых систем.....	373

VII. Поэтика

Ритм и метр в русской поэзии	387
Ритм и метр в русской поэзии. Статья вторая. Словесный ярус	423
Из рассказов о русском стихе. Тактовик	446
Рассказы о русском стихе. Пиррихий.....	464
Рассказы о русском стихе. Цезура	472
Рассказы о русском стихе. Логаэдический стих.....	485
Сочетание несочетаемого	496
Даниил Хармс	525
Сценическая речь и театральные системы.....	551
Фонетика поэзии.....	567

VIII. История отечественного языкознания

О «Российской грамматике» А. А. Барсова	587
О преподавании «Истории отечественного языкознания»	601
Московская лингвистическая школа: 100 лет	615
Из истории изучения русской фонетики	647
Из истории отечественного языкознания 20—40-х гг. Н. Ф. Яковлев (1893—1974)	707
[Рецензия на кн.:] <i>Ф. Д. Ашинин, В. М. Алпатов. «Дело славистов».</i> 30-е годы. М.: Наследие, 1994.....	715

Значение трудов Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново для становления фонологии	724
Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова	730
Д. Н. Ушаков. Жизнь и творчество	742
Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине	776
Александр Александрович Реформатский	789
Р. И. Аванесов — фонолог	802
Фонологические взгляды К. В. Горшковой	813
О теории русской интонации Е. А. Брызгуновой	818
Список трудов М. В. Панова	823
Summary	835
Contents	836

Личность

«Человек он был». Эта цитата из «Гамлета» — своего рода пароль, необходимый для того, чтобы войти в мир Панова, адекватно воспринять созданное им как ученым и как литератором.

В науке нет абсолютных авторитетов, любая концепция не только может быть оспорена, но и объективно нуждается в испытании противоположной точкой зрения. «Каждый человек имеет право на несогласие» — любимое изречение Михаила Викторовича.

В литературе, в искусстве в целом нет и быть не может монополии на художественное совершенство — ни у отдельного творца, ни у стилевого направления. «Победитель будет побежден» — так Панов объяснял сущность литературной эволюции в своих лекциях по истории русской поэзии.

Но вечно-незыблемые ценности существуют, и связаны они прежде всего с человеческой природой. Свободное развитие личности — вот идеал, оспорить который невозможно, а практически реализовать в своей жизненной практике удастся очень немногим. Феноменальность Панова — в том, что он непрерывно развивался как личность. В юные годы он задался вопросами, ответы на которые искал и находил до последнего дня. В семьдесят лет он ошутимо отличался от себя шестидесятилетнего, его взгляды изменялись, оценки уточнялись. На восьмом десятке лет он сохранял чувствительность и любопытство к новым научным и философским идеям, к литературно-эстетическим веяниям конца XX столетия. Эта особенность его личности и его многогранной деятельности поистине беспримерна.

Панов любил образные аналогии со световым спектром. Даже системные эпохи в истории русского произношения он обозначил цветами радуги — от «пурпурной» (книжный язык первой половины XVIII века) и «лиловой» (бытовой язык того же периода) до «оранжевой» (речь старшего поколения в XX веке) и «алой» (речь младшего поколения в XX веке). И его личность, его биография, вся совокупность его научных и литературных произведений — это целый спектр, насчитывающий не менее семи ярких цветов (а оттенков, конечно, еще больше).

Эстетик. Поэт. Языковед. Литературовед. Педагог. Организатор научно-исследовательского процесса. Гражданин.

Продолжим разговор в этой последовательности, имея в виду, что базовая, языковедческая составляющая пановского спектра с достаточной полнотой охарактеризована Е. А. Земской и С. М. Кузьминой в предисловии к первому тому настоящего издания.

«Эстетик». Само это слово в наши дни малоупотребительно, поскольку немногие исследователи умеют сосредоточиться на сугубо эстетической сущности изучаемых явлений, не впадая ни в политиканство, ни в спекулятивное философствование, ни в щеголяние новомодными «точными» методами. Панов всегда подходил к литературному тексту с точки зрения его эстетической специфики, ощущая и фактуру материала, и направление творческой трансформации, художнического усилия. Это обуславливало внутреннюю цельность и системность всех эстетических оценок Панова, в которых он был поразительно независим от сложившихся иерархий. Панов обосновал чрезвычайно плодотворную и эвристически ценную категорию *предельности* произведения: если возможности данного материала реализованы художником до предела, то его творение уже не может быть «превзойдено», оно не может быть «хуже» другого произведения, каким бы шедевром то ни являлось. Истинные, «предельные» создания поэтов и прозаиков составляют открытый для продолжения ряд равноправных эстетических ценностей. И это, конечно, относится не только к художественной словесности. Панов всегда проявлял интерес к другим видам искусства, особенно изобразительного. Ему был чужд «литературоцентризм», он признавал за музыкой, театром, кино, живописью самостоятельную специфику, особенный «язык», уже в метафорическом, а не в буквально лингвистическом значении. Так, для живописи языком являются линии и краски, для театра — жесты и зрелищность. Панов с удовольствием вникал в эти языки, увлекался театром Мейерхольда, русским художественным авангардом.

Ярким новатором предстает Панов в своем поэтическом творчестве. В поэзии ему особенно близки были футуристы, и в первую очередь — Велимир Хлебников. Панов не подражал Хлебникову (да это и невозможно в принципе), а воспринял идущий от этого поэта творческий импульс — бесконечной свободы слова и стиха, сочетания отважной сложности с не менее смелой простотой высказывания. Как и Хлебников, Панов писал в основном свободным стихом (верлибром), не стесняя себя строгими размерами и обязательной рифмой. Именно в такой форме нуждался индивидуальный язык поэта. Именно свободный стих стал для него естественным способом формулирования мыслей и выражения чувств.

Вот фрагмент из сложенного Пановым на войне стихотворения «Ночью». Двадцатидвухлетний лейтенант рассказывает об артиллерийских буднях, о книге Блока, которую он постоянно носил с собой, вспоминая знаменитые и

написанные, кстати, верлибром строки «Она пришла с мороза раскрасневшаяся...»:

Натаскиваю, натягиваю шинель, чтобы укрыться с головою.
Рвет ветер! Ко мне сочатся его ледяные потоки.
Медленно вырастает звук порывистый и воющий:
«Мессершмит»? Или может... нет, не «фокке-вульф».
Думаю о судьбе русского свободного стиха:
будущее — за ним. И совсем не бескрылый,
не безвольный, вранье: это стих глубокого дыханья,
яркости, крутизны. Блок давно уже это открыл.

Свободный стих не причуда, он вызревает в недрах русского языка, особенно разговорного. Он открывает возможность рассказа честного, доверительного, эмоционально доходчивого. Военные верлибры Панова мгновенно создают эффект читательского присутствия и даже соучастия в событиях. Вместе с тем Панов не чурался и стиха метрического, наращивая мощь интонации преодолением барьеров и плотин строгих форм. Так работает у него сонет, полностью освобожденный от декоративности и условности. Традиционно-пятистопная строчка вдруг становится смысловой вспышкой: «Я мир считал своим. А он — ее» — это из стихов, написанных на смерть матери. Рифма же здесь предстает не профессионально-стихотворческой обязанностью, а будто впервые обретенным способом преодоления дискретности, дробности мира:

Обуза дел отпала; белый шнур
Сгорел, свистя, — и сухо мрак рванулся.
Освенцим дня умолк, и Орадур
Угрюмыми огнями огрызнулся.

А у тебя? Счастливый день очнулся,
Залит росой? Или безлюдно-хмур
И тягостен, мрак ночи развернулся
Тебе горя из черных амбразур?

«Стих — это человеческая речь, переросшая сама себя» — это определение Ю. Н. Тынянова (ученого и писателя, чрезвычайно близкого Панову по научно-эстетическим взглядам) в полной мере относится к поэтическому языку Панова.

Как литературовед Панов выступил непосредственным продолжателем методологической традиции ОПОЯЗа. Ориентация на научный опыт Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума, раннего Якобсона была у него осознанной, а «формальный метод» — точкой отсчета подлинной научности в исследовании литературы. Глубокие теоретические прозрения «формалистов» во многом

опирались на творческую практику русского авангарда. При всей широте своего эстетически-вкусового диапазона именно в новаторской поэзии первой трети XX века находим наиболее благодатный материал для постижения общих законов литературы как таковой и логики ее историко-эволюционного развития.

С Тыняновым, Шкловским и Якобсоном Панов сближал страстный интерес к Хлебникову, многолетние наблюдения над языком которого отражены в статье «Сочетание несочетаемого». Не меньшую эвристическую значимость для ученого имела «экстремальная» поэтика Хармса. В посвященной легендарному обэриуту статье Панов обозначил перспективные методологические принципы построения научной истории русской поэзии XVIII—XX веков. Пановские мысли о «самодвижении» поэзии во многом перекликаются с тыняновской идеей о том, что литературная преемственность есть прежде всего борьба. При этом для Панова важна еще и самодостаточность художественных явлений, не отменяемая эволюционным процессом: «Каждый мир — самоценное совершенство и вместе с тем — возможность продолжения в новом, ином поэтическом мире».

Панов усвоил и последовательно применил лежащую в основе опоязовской эстетики антитезу «материал — прием». Может быть, такой специфический подход к художественным явлениям в принципе доступен только людям творчески одаренным, какими были лидеры ОПОЯЗа — писатели-ученые, являвшиеся одновременно и «ихтиологами», и «рыбами». Как и они, Панов сочетал четкую научность с глубоким пониманием предмета «изнутри». Исходным для Панова с самого начала было принципиальное положение «формалистов» о том, что «мысль» в искусстве есть «материал». По этой причине он был критически настроен по отношению к структурно-семиотической школе, подменявшей эстетическую сущность искусства «знаковостью», которая для Панова была лишь свойством материала, свойством, присущим и многим нехудожественным явлениям. Не будет преувеличением сказать, что Панов в одиночку пронес научную эстафету опоязовской традиции и передал ее XXI веку — и в своих опубликованных трудах, и в имевших огромный публичный успех лекциях по истории русской поэзии в МГУ.

Особо следует сказать о новаторском вкладе Панова в теорию стиха. Стиховедческий аспект в его трудах был всегда органично включен в общую систему поэтики, отсюда — широкий взгляд на ритмику, охватывающий и ритм образа, и ритм композиционный. Статьи Панова о ритме и метре, его доходчивые «Рассказы о русском стихе» основаны на принципиально новом подходе к предмету. Панов видел в стихе соотношение (а порой и столкновение) *стопной* и *тактовой* организации. С тактовиком (в пановском понимании термина) по-своему граничит и верлибр. Такая типология стиха — это развитие идей тыняновской «Проблемы стихотворного языка». В ее свете яв-

но устаревшим видится противопоставление «классических» и «неклассических» размеров, не очень нужной оказывается громоздкая статистика и процентные данные. В своих обобщениях Панов опирался не на «валовой продукт» поэзии, а на эстетически значимые стиховые закономерности. У такого подхода к стиху большое будущее.

Продолжать дело Панова сегодня — значит преодолевать ведомственные границы между языкознанием и литературоведением, между филологией и литературой, перепрыгивать барьеры между системностью культуры и хаотичной непредсказуемостью живой жизни, между строгим познанием и артистичной игрой. Книга Панова «Позиционная морфология русского языка» оканчивается главами «Окно в лексику» и «Окно в синтаксис». Вся работа Панова — это непрерывное открывание таких новых окон. От факта к обобщению, от уровня к уровню, от позиционного чередования звуков до закономерной смены художественных систем — такова духовная вертикаль, выстроенная ученым. И в стройности этой познавательной системы отражается гармоничность личности филолога и поэта.

Очень личностной, неповторимо-индивидуальной была и общественно-политическая позиция Панова. Он не принадлежал к активным «антисоветчикам» и диссидентам, мог порой критически оценивать шаблонно, нетворчески мыслящих «прогрессистов» («Они просто перешли в другое стадо», — говорил он в таких случаях). Но сама человеческая натура Панова, его научные и эстетические убеждения не могли не вступить в решительное противоречие с советским тоталитаризмом. Андрей Синявский на судебном процессе 1966 года говорил, что у него с советской властью «стилистические разногласия». Для Панова (кстати, написавшего в Кремль письмо в защиту Синявского и Даниэля), разочарование в социалистических идеалах тоже началось со стилистики. Михаил Викторович рассказывал, как его отец, интеллигент с дореволюционным воспитанием, находил в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» грубейшие речевые ошибки и саркастически их комментировал. А много лет спустя Панов вступил в непримиримый конфликт с чиновными конформистами, для которых властная конъюнктура была важнее и ценнее, чем русский язык и великая русская словесность. Михаил Викторович вспоминал о том, как, защищая своих вольнодумных коллег, разговаривал с академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР М. Б. Храпченко. Тот, будучи циничным, но неглупым чиновником от науки, искренне не мог понять, почему эти наивные языковеды выступили против ввода советских войск в Прагу: «Чего они хотят добиться? Есть армия, есть органы. Лбом стену пытаются прошибить!».

Этот эпизод вспомнился еще и потому, что вскоре вслед за ним последовал уход Панова из академического Института русского языка. Это нанесло

огромный ущерб не только отечественному языкознанию, но и всей филологической науке, всей гуманитарной культуре. Именно Панов, со своей научно-культурной универсальностью, призван был возглавлять Отделение литературы и языка, вдохновлять коллективные научные исследования — как лингвистические, так и литературоведческие. Уверен, что тогда наша наука смогла бы активнее воспользоваться преимуществами перестроечной эпохи, что не произошло бы того понижения общественно-духовного статуса филологии, о котором мы вынуждены сегодня говорить.

А свой индивидуальный жизненный и научно-творческий путь Панов прошел достойно и плодотворно. Он не раз примерял к своей судьбе известный афоризм Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал» (понимая его не в узкорелигиозном, а в широком гуманистическом смысле). Панов был личностью философского масштаба. Это можно сказать отнюдь не о каждом большом ученом и не о каждом талантливом литераторе. Это редчайшее качество, которое не только делает неизменно интересными написанные Пановым книги, статьи и стихи, но и укрепляет в их читателе веру в человека как такового.

1920 — 2001. Даты жизни Михаила Викторовича Панова символичны. Он человек двадцатых годов двадцатого века — с их авангардной мечтательностью, конструктивно-созидательным мышлением, творческим отношением к классической традиции. Вместе с тем он успел перешагнуть рубеж тысячелетий, заглянуть в двадцать первый век, в котором его идеям и его наследию суждена долгая жизнь.

Вл. Новиков

Часть IV

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

